

Иншаков О. В.

**Русская Правда в русле развивающейся
междисциплинарности современного обществознания**

Обычно Русская Правда, текст которой был составлен не ранее 1016 года, представляется широкой публике как «важнейший памятник древнерусского права»¹. Однако Русская Правда выступает не только как «официальный акт», «памятник феодального права», «светский судебник», но и как «основной источник для изучения Древней Руси», и источник, предоставляющий возможность много-стороннего осмысления конкретного общества, локализованного в пространстве и времени. В нем перед исследователем предстают люди Древней Руси телесно и духовно, в их связях и отношениях, с их языком и мировоззрением, с их статусами и поступками, ценностями и обычаями, правами и обязанностями...

Этот источник открыт и подготовлен к печати выдающимся русским историком В.Н. Татищевым еще в 1738 году и изучается почти 280 лет. Но 75 лет назад отмечалось, что «как ни велики и как ни интересны итоги изучения Русской Правды за последние 200 лет, они все же не могут быть признаны окончательными»². За прошедшие годы источник привлек сотни новых ученых разных областей знания, возникли новые поиски, довольно долгое время интерес к Русской Правде не угасал. Получены поистине фундаментальные знания об обществе Древней Руси. Выявлены магистральные пути исследований. Дан критический анализ различных идеологически и политически ангажированных концепций развития русского государства и общества. Но дискуссии продолжаются...

Исчерпан ли исследовательский потенциал Русской Правды сегодня? Какие новые смыслы могут обрести современные исследователи в Русской Правде? Разве саморазвитие предметных полей и содержания наук об обществе, их методов и инструментов, их взаимодействие не позволяет решать новые задачи познания истины? Практика научных поисков второй половины XX и начала XXI веков подтверждает возможность этого. Междисциплинарный подход может дать новые результаты в изучении памятников прошлого. Осуществить новые попытки системного изучения текстов Русской Правды спустя тысячелетие ее создания — выход на новый уровень ее осмысления, воссоздания образа русского общества ее времени. Ведь через нормы права, собранные в ней, просматривается системное многообразие сторон жизни людей Древней Руси, сами эти люди в их бытии и миропонимании.

Методологические принципы, которые должны формировать фундамент современного нам осмысления Русской Правды и общества Древней Руси — ре-

¹ Шапов Я.Н. Русская Правда. Введение / Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 28.

² Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 4.

альность, системность и эволюционность, — как этих объектов и субъектов изучения, так и предметов и методов в процессах их анализа и синтеза нового знания. В русле реального междисциплинарного взаимодействия наук в решении поставленной задачи особенно важно утверждение Н.Н. Моисеева, выдвинутое им в рамках концепции универсального эволюционизма, согласно которому «взаимосвязь свойств системы и ее элементов гораздо более глубокая, чем это принято думать: не только свойства системы зависят от свойств элементов, но и обратно — свойства элементов, составляющих систему, могут зависеть от свойств системы. И по мере восхождения по ступеням сложности эта взаимозависимость проявляется все более и более отчетливо. Особенно тогда, когда речь заходит об изучении систем общественной природы»³.

С позиций универсального эволюционизма общество времен Русской Правды еще не было первой формой феодального строя, было переходным, подвижным и противоречивым. Есть надежда, что при анализе прошлых и настоящих общественных систем мы уже «научились понимать, что становление социальных формаций — это длительный процесс, богатый событиями, насыщенный борьбой старого и нового, часто отнюдь не прямолинейный. Вероятно, мы вправе говорить о наличии не только переходных форм к феодализму, но и об определенном переходном периоде»⁴, который и был современен Русской Правде.

Ранее «настроенное на саморегулировку и стабильность» оно распалось, пока еще «воплощало собой общинную цивилизацию Древней Руси со своеобразным общественным, политическим и государственным строем, самобытной и яркой культурой»⁵. Следует признать, что именно вторая половина X — начало XI столетия оказалось «временем, когда завершился распад родоплеменного строя у восточных славян», что подтверждается и текстом Русской Правды. Нарастание новых тенденций шло медленно и постепенно, «солидарность и защита со стороны родовых групп стала давать серьезные сбои»⁶.

Ослабление родовых связей, возрастание роли семьи и частной собственности в рамках соседской общины, выступление князя в регулировании общественных отношений на место родственного коллектива — «свидетельство деградации этих родственных союзов, т.е. глубокого и системного кризиса родового строя, время которого зафиксировала Древнейшая Правда, составленная вскоре после вокняжения в 1016 году Ярослава в Киеве и отразившая социальные сдвиги, происходившие в Киеве и Новгороде на рубеже X и XI столетий»⁷. Разложение родоплеменного строя, его структур и институтов, влекло ослабление всего общественного организма Древней Руси.

В этот период возникла особая нужда в создании единого правового поля с его совокупностью приемлемых для менталитета народа норм действия и взаимодействия, скрепляющих в единую общность представителей разных слоев и

³ Моисеев Н.Н. Универсум, Информация, Общество. М., 2001. С. 34.

⁴ Жуков Е.М. Вступительное слово // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 6.

⁵ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 163.

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 171. См. также: Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С.164–167.

групп с учетом их значительной разности, регулирующих сложные процессы переходного периода, сцепляющих в одно общественно-экономическое пространство Киев и Новгород, усиливая паритет этих двух полюсов Древней Руси в их противоречивом единстве. Сложность понимания Русской Правды обусловлена сложностью состояния общества, в котором она сформировалась и явилась на свет, где обострились противоречия между семьей и родом, общиной и личностью, общей и частной собственностью, язычеством и христианством, полюсами и городами страны социальные, внешними и внутренними интересами, свободными и рабами, союзниками и врагами. Появление Древнейшей Правды, по справедливой оценке С.В. Юшкова, было обусловлено «всеми ходом общественно-экономического и политического развития»⁸ Древней Руси.

Полвека назад, в 1966 году, проблема реализации принципов реальности, системности и эволюционности в процессе познания общества уже была признана актуальной историками. Признавалась необходимость эволюционного подхода при выявлении специфики переходных состояний между общественными формациями, подчеркивалась необходимость объективности научного анализа и реалистичного воссоздания «картины мира» Русской Правды. Е.М. Жуков отмечал: «И в связи с этим встает вопрос о синтезе. Я полагаю, что, не делая никаких принципиальных уступок плоскому эволюционизму, можно усилить внимание к изучению тех внутренних, “молекулярных” процессов, которые... создавали объективные предпосылки для неизбежной последующей феодализации»⁹.

Упрощение и необоснованная модернизация представлений об обществе Древней Руси¹⁰ воспроизводится на современном этапе по разным причинам субъективного и объективного характера, что требует распространения лучших образцов его исследований и достижения новых всесторонне аргументированных знаний, в том числе и на основе междисциплинарности.

Всякая система общества включает в себя естественные и искусственные, материальные и идеальные характеристики своих членов, их знания и мировоззрения, характер и поведение, основанные на практике жизни и производстве средств этой жизни (вещественных и невещественных благ). Создаваемые людьми блага зримо разделяются на те, которые представляют трансформацию материи (орудия труда и материалы, пищу и одежду, здания и сооружения, средства коммуникаций и творчества, т.п.), и на те, которые представляют информацию реальности, их идеи (летописи и календари, титулы собственности и ценные бумаги, законы и инструкции, сообщения и договоры, т.п.). В связи с этим возникает проблема роли источников знания. Эта проблема вызывает дискуссию. Так, археолог Б. А. Тимошук пишет: «В связи с разногласиями по вопросу о сущности общественного строя Киевского государства особое значение приобретают археологические источники, при помощи которых может быть подтверждена или опровергнута та или иная интерпретация письменных источников, а также рас-

⁸ Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 292.

⁹ Жуков Е.М. Там же. С. 6.

¹⁰ См., например: Поляков А.Н. О методе и некоторых итогах изучения Древней Руси как особой цивилизации // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. № 5 (141). 2012. С.94–100; Рахманин А.И. Социальная структура древнерусского государства: IX–XIII вв. // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. Вып. 2 (8). 2007.

крыты те черты этого строя, которые не нашли своего отражения в других источниках»¹¹. Противоположного взгляда придерживается И. Я. Фроянов, «полагая, что посредством письменных известий может быть “подтверждена или опровергнута та или иная интерпретация” археологических источников»¹². Для получения достоверного знания представляется наиболее эффективным взаимное дополнение этих двух источников на основе их прямой и обратной связи в анализе общества и синтезе «картины мира» Русской Правды, что еще должно быть реализовано в достаточной мере.

Производство продуктов общественного бытия невозможно без связей и отношений людей в их транзакциях: в функциональных формах институций (родство, рабство, челядинство, изгойство, холопство, тиунство, огнищанство, княжество и т.д.) и структурных формах организаций (роды, племена, семьи, общины и т.д.)¹³. Оно также невозможно без средства обеспечения этих процессов и продуктов, связей и отношений — языка как знаковой системы (фонем и морфем, слов и предложений, текстов и жестов, знаков и символов, т.п.). Все эти характеристики в снятом виде присутствуют в Русской Правде, позволяют отражать представителям разных наук состояние и эволюцию общества ее времени в различных аспектах их предметных полей.

Каждая общественная наука (экономика, психология, социология, юриспруденция, история, политология, педагогика, филология, лингвистика, культурология, география, антропология и т.п.) «созерцает» общество с собственной «колокольни» на своем предметном поле, но все они наблюдают лишь различные стороны единой по своей сути системы, существующей в трехмерном пространстве и одномерном времени. Это означает необходимость коллаборации разных наук, взаимодействия их предметных полей и методов исследований при осмыслении памятников истории. «Но это вовсе не означает запрета на изучение элемента системы как некоторую выделенную данность»¹⁴, что предполагает сохранение специфики, эффективного функционирования и самостоятельной эволюции предметных полей разных наук. Еще важнее это взаимодействие для создания системных (структурной, функциональной и эволюционной) картин обществ прошлого.

Однако общественные науки — часть этой самой системы, которую они изучают и сами изменяют ее в процессе изучения. Действительно, в изучении общества разными науками господствует нечто вроде принципа неопределенности В. Гейзенберга, согласно которому невозможно одновременно знать точное положение и точную скорость наблюдаемого объекта. Применительно к взаимодействию наук этот принцип напоминает о наличии предела совместимости свойств, присущих одному объекту, что является ограничением познания всех его свойств методами и инструментами одной науки. Для общественных наук это означает необходимость сохранения их специфических предметных полей в процессах их интеграции и дифференциации. Следовательно, существует положи-

¹¹ Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 716.

¹² Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 158.

¹³ См.: Инишаков О.В., Фролов Д.П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.). В 4-х т. Т. 1. М., 2007.

¹⁴ Мусеев Н.Н. Там же. С. 34.

тельный предел специфичности предмета, метода и инструментов познания для каждой науки и в коллаборации ее представителей для изучения общего объекта общественной системы.

Кроме того, исследовательские действия ученых сами влияют на состояние объекта изучения. «Когда мы опрашиваем людей с помощью анкеты, мы изменяем их мнение. Когда мы делаем прогноз, мы влияем на будущее, если наше предсказание было воспринято всерьез. Когда мы изучаем другую культуру, мы преобразуем как нашу культуру, так и культуру, служащую предметом нашего исследования. Система, которую мы наблюдаем, находится в процессе постоянных изменений, и мы влияем на этот процесс даже самым фактом наблюдения»¹⁵.

В русле универсального эволюционизма мы все больше понимаем, что социальная система, которую изучают общественные науки, в свою очередь, является подсистемой более глобальной системы, которая включает в себя, в частности, исходные генетические коды жизни.

За прошедшее со времен появления Русской Правды тысячелетие в связи с колоссальным расширением коммуникаций, стремлением людей осваивать новые пространства, с развитием науки и технологий общего применения мир все более превращался в единую систему. Росли транспортные и торговые связи, велись войны и хозяйство, накапливались народы и способности людей, создавались новые знания и продукты. Рождение Русской Правды, значение которой сначала не выходило за пределы ограниченной территории Древнерусского государства, затем вызывало резонанс во всем мире. Конец институциональной и организационной несобранности означал, что еще важнее стало широкое понимание природы и специфики корней и ветвей, генов и эволюции данной социальной системы. В стране, состоящей из изолированных друг от друга княжеств, бедствие, свалившееся на одно из них, может затем затронуть все остальные. Но в стране, единство которой постоянно возрастает, любая частная проблема и угроза становится всеобщей, а мир делается все более хрупким. Это требует особых креплений, которые придавали бы силу этому единству. Системно познать, как они создаются, какие факторы влияют на этот процесс — вызов ученым-обществоведам актуальный и сегодня.

Взаимодействие наук при изучении Русской Правды позволяет ясно понять, что общественные системы в целом ведут себя иначе, чем составляющие ее части. Именно на понимание этого нацелены представители разных общественных наук. При всех достоинствах отдельных наук, успешно изучающих «свои» подсистемы общества, в течение нескольких последних десятилетий они столкнулись с узостью своих рамок, нуждаются в выходе из них посредством междисциплинарных коммуникаций. Значительно преуспевая в развитии техники анализа, они становятся почти бесплодными в осуществлении синтеза системного обществознания. Часто проблема состоит в отсутствии критического переосмысления методологических подходов, неадекватных анализу изучаемых систем.

---

¹⁵ Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы / Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта : В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В. С. Автономова и С. А. Афонцева. СПб., 2002. Т. 1. С. 907–927.

Для понимания общественных систем в условиях их непрерывной эволюции, и ее современной формы — глобализации, требуется куда более гибкая междисциплинарная методология познания. Поэтому все больше возникают различные концепции интер-, транс-, мультидисциплинарности, в ответ на тенденции интрадисциплинарности с их эффектами торможения познавательных процессов. Однако социальные науки сильно отстали в развитии подобных методологических подходов.

Дополнительными источниками для понимания среды творения, сути и формы Русской Правды за последние 65 лет стали берестяные грамоты, которые с 1951 года обнаруживаются и изучаются российскими учеными. Они отражают единство институционального, организационного и информационного аспектов в общественных транзакциях и коммуникациях, раскрывая перед нами богатство общественных связей и отношений, способы их осуществления и выражения. «Жанровое разнообразие берестяных документов исключительно велико. Их тексты включают хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и заказы ремесленникам, школьные упражнения детей и просьбы художнику об изготовлении икон, любовные записки и сообщения о смерти близкого человека, ростовщические записки и списки недоимщиков, молитвы и заговоры против болезней...»¹⁶. Древнейшая из найденных грамот — документ относящийся к первой половине XI века, что раскрывает высокий уровень развития и многообразия транзакционных отношений между членами общества, их институтами и организациями.

Острой проблемой всех общественных наук является отсутствие критического анализа используемой таксономии изучаемых явлений, первые попытки которой предприняты в российской экономической науке и нуждаются в дальнейшем развитии, для выяснения уровневой (вертикальной и горизонтальной) структуры общественных отношений¹⁷. Таксономия как определение признаков иерархически расположенных подмножеств форм, обладающих на каждом уровне достаточно существенной однородностью, является значительной проблемой для изучения сложной системы общества. Таксономия многих социальных наук по-прежнему наивна, но ее продвижению также может существенно способствовать потенциал междисциплинарности, выходящий на границы с естественными науками.

Какими достижениями могли бы поделиться общественные науки друг с другом, особенно с точки зрения развития единого системного знания? Исходным пунктом может стать исследование человеческих популяций, форм их движения и расселения. Это могло бы вдохновить представителей разных общественных наук на расширение сферы их интересов до популяций любого рода общественных феноменов (ресурсов, продуктов, порядков, укладов, языка, идей, технологий, институций, организаций, норм и т.д.), что, несомненно, привело бы к формированию общей теории социальной эволюции.

¹⁶ Янин В. Л. Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории / Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 15–23.

¹⁷ См.: Инишаков О.В., Фролов Д.П. Многоуровневая таксономия институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 86–99.

Существенным становится осмысление монизма логического (выявления объективных закономерностей, тенденций и связей), номического (установления порядка, учета обычаев, соблюдения правил и норм ведения деятельности) и софического (выдвижения, распространения и укоренения идей, формирования мировоззрения и миропонимания) аспектов в системном изучении общества¹⁸. Этот подход, в частности, особенно важен при современном изучении Русской Правды, а его значение возрастает в проводимых исследованиях на основе принципов единства процессов познания объективных законов жизни общества, создания отражающих их концепций и теорий и внедрения полученных знаний в практику. Он также позволяет преодолевать тенденцию ограничиваться вниманием к общественному поведению в неизменной среде, заставляет видеть влияние идей и порядков на проявление и использование законов природы и общества. При этом сознается, что всякая среда изменчива, как и всякое действующее лицо или наблюдатель, а действие и поведение любого субъекта и объекта меняет среду, окружающую его и всех других, и воздействует на них. В указанном принципе монизма проявляется как взаимное влияние субъекта и объекта, так и ограничение видения будущего или удаленного состояния объекта актуальным состоянием субъекта как творца теории и практики.

Одним из достоинств междисциплинарного подхода является то, что он обнаруживает видение объекта с точки зрения возможных альтернатив, преодолевая тенденцию их рассмотрения в категориях одного предметного поля. Например, вкладом социологии в исследование общества Древней Руси через призму Русской Правды могла бы служить возможность выделения взаимности (реципрокности) в зафиксированных отношениях ее субъектов, их прав и обязательств. Остаются слабо изученными также интегрирующие общество того времени структуры и функции, организации и институции, органы и институты, которые создают, ограничивают и регулируют обмен в его жизнедеятельности.

Не исключено, что каждая наука могла бы сегодня дать понимание эпохи Русской Правды значительно больше, чем ранее. Филологи, экономисты, юристы склонны пренебрегать социологической (родственной, религиозной, гендерной, культурной или личностной) сложностью отношений в обществе, оставляя их без внимания в своих исследованиях. Отношение профессиональных психологов к Русской Правде на удивление прохладно, хотя фиксируемые в ней ситуации и поступки, меры наказаний и возмещений говорят о многих психических особенностях ее современников. Несомненно, желательно и возможно создание достаточно глубокой и красочной психологической «картины» древнего русского общества на основе текстов Русской Правды. Человеческое поведение в них раскрывается в категориях выбора и предпочтений, прав и ответственности, общности и поколений, интересов и противоречий, которые предполагают и некий образ будущего, основанный на опыте прошлого и событиях настоящего.

В результате исследователи склонны пренебрегать такими вещами, как обращение в другую веру, ассимиляция, формирование идентичности, права собственности и формы власти, наем внешних управляющих, формирование агентов власти, распространение идей и знаний и т.д. Единственным извинени-

---

¹⁸См.: *Инишаков О.В.* Поиск модели хозяйственного развития России и монистическая концепция теории хозяйства / Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова и др. В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград, 2000. С. 249–257.

ем историкам и филологам могло бы служить то, что этими вопросами следует заниматься экономистам и юристам, социологам и культурологам, психологам и религиоведам, хотя и они не уделяют этим аспектам необходимого внимания.

В университетах современной России экономическая история почти заброшена и забыта, хотя она внесла значительный вклад в историческую и социологическую науку. Экономика Древней Руси включает в себя значительную часть мирной жизни и деятельности людей: пахоту, сев, жатву, изготовление орудий труда и предметов потребления, торговые и иные сделки, передачи и вложения и т. д. Но профессиональные историки склонны уделять больше внимания войнам, которые занимают не больше 10% всего времени человеческой жизни, а также различным королям и правителям, чья деятельность не так уж касается обыденной жизни масс. Трудов, посвященных мирной жизни в истории пока слишком мало. Если бы другие ученые-обществоведы смогли убедить историков, что их профессиональный долг в системном изучении жизни всех людей прошлых поколений, это было бы значительным достижением.

Поскольку система общества имеет пространственные аспекты, одной из наук, исследующей ее состояние, функционирование и эволюцию, неизбежно становится география. Действительно, в самом названии Русской Правды в «снятом», отраженном виде зафиксировано общественное пространство, в котором она создана и которому адресована, в котором таятся ее истоки и основы. Однако в этом отражении остается еще много неясного и непонятого. Социально-экономическая и культурно-историческая география создания и распространения всех вариантов текстов Русской Правды, ее корней и ветвей, пока достаточно не изучена, но может дать много новых сведений об устройстве и особенностях жизни в Древней Руси почти за 500 лет.

Попытка системной оценки состояния общества Древней Руси в пространстве и времени Русской Правды инновационно и креативно представлена в концепции моделирования интегрального показателя мощи государства и совокупного геополитического потенциал государства¹⁹. В представленной модели тренд развития общества определяется исходя из оценки многих факторов: территории, природных ресурсов, населения, экономики, культуры и религии, науки и образования, армии, внешней политики и управления. Эта модель подтверждает, что для поддержания и укрепления мощи государства, которая достигла высшего уровня при Олеге Вещем и затем стала устойчиво спадать, Русская Правда была необходима и своевременна. Модель также показала, что в последующий век после принятия этого судьбоносного документа наступает время соответствия потенциала и мощи государства Древней Руси.

Меняется содержание и отношения общественного пространства, меняются и формы их кодификации. Полное изменение русского общественного и правового пространства зафиксировал Судебник Ивана III 1497 года, который, в отличие от Русской Правды, «стоит на защите абсолютной, следовательно, абстрактной категории, а не индивида». Существенно, что «Русская Правда выступает против оскорбления закона. Судебник борется с его нарушением»²⁰.

¹⁹ См.: Россия в пространстве и времени (история будущего) / Б.Н. Кузык (рук. авт. коллектива). М., 2004. С. 78–80, 237.

²⁰ Соляниченко А.Н. Судебник 1497 года // История и археология. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2013/12/825> (дата обращения: 19.10.2015).

В условиях глобальной конвергенции наук об обществе их представители особенно нуждаются в эволюционной теории размещения составных частей и границ их предметных полей, которую они часто и несправедливо рассматривают как периферийную часть программ своих исследований. Имеющиеся примеры «пространственных» исследований экономистов, историков и филологов потенциально могут обогатить все общественные науки.

В изучении Русской Правды новые аспекты может осветить антропология, которая имеет тенденцию ограничивать свой предмет обществами, находящимися на низком уровне развития, хотя неразвитость часто не служит помехой для высокого уровня знаний о непосредственной среде обитания. В целом можно заключить, что антропологи не так уж много сделали для понимания природы и специфики Русской Правды. Антропологи как социологи и культурологи пренебрегают изучением многих субкультур Древней Руси, понять роль которых в формировании общих норм жизни и права можно было бы лучше, прибегнув к их компетенциям. Не только разобщенность, но и диспаритет тормозит тенденции конвергенции и коллаборации наук в изучении Русской Правды.

В последние десятилетия представители разных наук в рамках неконструктивной конкуренции проявляли стремление к доминированию в теории общественных систем. Таков, например, «экономический империализм», в рамках которого предпринимаются попытки экономистов занять главенствующее положение в общественных науках. Таково же заблуждение, когда с помощью категорий права пытаются описать экономический или хозяйственный строй общества, ставят правовые отношения в качестве первичных по отношению к экономическим отношениям. Можно понять, когда историки говорят, что лучше знают историю вопроса, а филологи расшифровывают язык древнего документа лучше экономистов. Но описать общественные события и феномены, понять их суть и многообразие, общественные науки могут только на принципах свободного созидательного сотрудничества.

Ни одна из общественных наук не может дать главную или исчерпывающую картину состояния или движения общества как системы. Системность общества определяет необходимость системности знаний об обществе, а адекватность и целостность отражения общества в этих знаниях (в координатах их коэволюции) — критерий их достаточности. Если движение к междисциплинарности не является односторонним, то этот феномен может только радовать. Если же описанный процесс действительно принимает такой характер, когда ученые одних предметных полей рассматривают предметные поля других наук как отсталые или вражеские территории, подлежащие захвату, то это может иметь самые неприятные последствия.

К сожалению, сама структура академической жизни чревата опасностью образования малых, самоизолированных субкультур, не взаимодействующих с другими, как в рамках предметного поля своей науки, так и в полях других наук. Но продуктивность научного труда предполагает не только его разделение по предметным полям и проблемам, а также обмен созданных научных моделей и идей, но и кооперацию его предметно разделенных участников для получения продуктов более высокого системного уровня.

В реализации нашей инициативы междисциплинарного взгляда на феномен Русской Правды очевидно, что вовсе не безнадежно стремиться к боль-

шему единству общественных наук, вырастающему на почве взаимодействия и взаимопроникновения их предметных полей, методов и инструментов исследований. Проведенная в апреле 2016 года в Волгоградском государственном университете научная конференция «Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов» стала попыткой реально осуществлять такое развитие общественно-знания, которое воспринимает явно нарастающую конференцию и реальную коллаборацию представителей общественных наук²¹.

Источники и литература:

1. *Боулдинг К.Э.* Экономическая наука и социальные системы / Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта : В 2-х т. Пер. с англ. под ред. В. С. Автономова и С. А. Афонцева. СПб.: «Экономическая школа», 2002. Т. 1. С. 907–927.
2. *Жуков Е.М.* Вступительное слово // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 5–8.
3. *Иншаков О.В.* Поиск модели хозяйственного развития России и монистическая концепция теории хозяйства // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова и др. В 2 т. Т. 1. М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 249–257.
4. *Иншаков О.В., Фролов Д.П.* Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.). В 4-х т. Т. 1. М.: Экономистъ, 2007.
5. *Иншаков О.В., Фролов Д.П.* Многоуровневая таксономия институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 86–99.
6. *Моисеев Н.Н.* Универсум, Информация, Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
7. *Поляков А.Н.* О методе и некоторых итогах изучения Древней Руси как особой цивилизации // Вестник Оренбургского государственного университета. Выпуск № 5 (141). 2012. С. 94–100.
8. *Рахманин А.И.* Социальная структура древнерусского государства: IX–XIII вв. // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. Выпуск 2 (8). 2007.
9. Россия в пространстве и времени (история будущего) / Б.Н. Кузык (рук. авт. коллектива). М.: Институт экономических стратегий, 2004.
10. *Соляниченко А.Н.* Судебник 1497 года // История и археология. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2013/12/825> (дата обращения: 19.10.2015).
11. *Тимощук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М.: Изд-во Московского университета, 1995.
12. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде: происхождение текстов / Отв. редактор акад. Б.Д. Греков. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941.
13. Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов: тез. науч. конф., Волгоград, 21–22 апр. 2016 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016.
14. *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.: Изд-во С.- Петербургского университета, 1992. С.164–167.
15. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во С.- Петербургского университета, 1996.
16. *Шапов Я.Н.* Русская Правда. Введение / Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 28–46.
17. *Юшков С. В.* Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.
18. *Янин В. Л.* Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории / Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 15–23.

²¹ См.: Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов: тез. науч. конф. Волгоград, 21–22 апр. 2016 г. Волгоград, 2016.